

А. В. Иванов

Внутригородские некрополи конца X—XIV вв. как элемент исторической топографии византийского Херсона

*«Что было раньше, я не знаю, ибо не ведаю,
где были погребены мои предки»*

Фульк де Рошен, граф Анжуйский, конец XI в.

Изменение отношения к усопшим признается исследователями одной из важных трансформаций человеческой психологии, сопровождавших переход от античности к средневековью. С распространением христианства мертвое тело более не воспринимается как «источник ужаса», требующее обязательного удаления из пределов человеческого поселения. Ритуалы новой религии в основном от-правляются в церковных постройках, находящихся внутри города и погребение предков вблизи них становится не только возможным, но даже желательным [1, с. 59–110]. По определению Ж. Ле Гоффа «город мертвых расположился внутри города живых», и в этом он усматривает едва ли не «революционное» преобразование в организации городской жизни [2, с. 85–86, 159]. Соответственно новой чертой организации городского пространства, свойственной средневековой эпохе, стало формирование внутригородских некрополей. На территории Византии практика погребений на внутригородской территории начинает распространение уже с VI в. [3, с. 46; 4, с. 1038], а в IX в. легитимизируется соответствующей новеллой василевса Льва VI [5, с. 107].

На этом фоне Херсонес на протяжении всего первого тысячелетия н. э. демонстрирует приверженность консервативным традициям погребения «extra muros». Его обширный загородный некрополь, возникший еще в IV в. до н. э., продолжает активно функционировать, причем с ранневизантийского времени особенную популярность приобретает практика многократных подзахоронений в вырубленных в скале склепах позднеримского времени. Использование некрополя продолжалось, пока сам Херсон существовал как городское поселение (и даже позже!), однако с рубежа X—XI вв. потребность в нем заметно снизилась, что непосредственным образом связано с массовым распространением традиции погребения внутри городских стен [4, с. 1031–1095].

Погребальные комплексы, относимые к раннесредневековому периоду, на территории собственно городища Херсонеса появляются не раньше VI—VII вв. Они немногочисленны и в основном представлены погребениями клириков и неких избранных членов христианской общины, тяготеющих к местам, связанным с памятью местночтимых святых [3, с. 39; 4, с. 721, 750–751, 836, 1052–1054]. Наиболее значительное количество раннесредневековых захоронений сосредоточено на территории Западной базилики, что аргументировано, связано с практиковавшимся на ее территории поминальным культом священномученика епископа Василия [4, с. 840–846, 1265–66, 1275]. В качестве таковых

И
Л
Т
С

определенно можно рассматривать склеп — липсанотеку и семь могил в крестообразном мавзолее [5, с. 34–36, 7, с. 164, 3, с. 838], четыре могилы в крещальне [8, л. 9–10, 3, с. 836–837], примыкающей к северо-восточному плечу базилики. На территории комплекса Уваровской базилики известен склеп — крипта, устроенная под поминальным мавзолеем, в оконечности южной галереи базилики [9, с. 41–42]. При Восточной базилике ранние погребения могли совершаться в гробницах пристроенного к ней крестообразного мавзолее [6, с. 44, 7, с. 165]. Вероятно, некоторое количество раннесредневековых погребений могло быть связано с храмами на большой агоре города [10, с. 4–5; 4, с. 1053], и подземной скальной криптой в кв. III на центральной улице [11, с. 20], если следовать ее атрибуции в качестве мавзолее VI–VII вв. [4, с. 739–752].

Сведения о начальном этапе и постепенном распространении обряда внутригородского погребения обобщены в недавних публикациях М. В. Фомина [12, с. 95–104]. Рассматривая, как на протяжении VI–X вв. из индивидуальной привилегии, доступной даже не всему духовенству, он превращается в традиционную практику и охватывает все более широкие круги городской христианской общины, автор отмечает, что уже к IX в., в Херсоне получает заметное распространение феномен «крытого кладбища» [12, с. 101] внутри культовых построек. На более раннем этапе, в соответствии с установкой Номоканона о недопустимости погребения мертвых тел в пространстве, освященном положением мощей, впрочем, допускающей отдельные послабления для клириков, для погребения используются специально сооружаемые мавзолее [12, с. 95]. В большинстве своем они представлены различными в плане пристройками к внешним стенам базилик или заглубленными в скальный грунт склепами-криптами. Уже к IX в. традиция погребения в храмах получает столь широкое распространение, что влечет за собой значительные перестройки существовавших базиликальных комплексов, выражающиеся в изоляции пространства боковых нефов или пристройке внешних галерей, для использования их, в том числе и в мемориальных целях [12, с. 99].

Комплексов раннесредневекового времени, которые можно было бы определить в качестве кладбищ в привычном для нас понимании внутри периметра стен Херсона не известно. Они появляются как новый, ранее нехарактерный, элемент топографии города на рубеже X–XI вв., когда погребение усопших на городской территории приобретает массовый характер [4, с. 1050; 12, с. 104]. Исследованиями разных лет выявлены не менее семи значительных внутригородских некрополей (рис. 1), функционировавших в XI–XIV вв. Три из них локализованы на западе городища, два на северном берегу, два в восточном районе, чем обусловлено такое их расположение, мы обсудим ниже. Кроме того известно и несколько небольших кладбищ, синхронных им.

По-видимому, наиболее значительный по площади некрополь расположился при «базилике на холме» в западной части городища (рис. 1: 1). Здесь, на рубеже X–XI вв., на месте прекратившей существование трехнефной базилики сер. VI в. возводится новая церковь аналогичного плана, но уступающая по площади предшествовавшей постройке [13, с. 21–22]. Новый храм занимал юго-восточный угол трапециевидного в плане участка, обнесенного каменной оградой. Проезд на территорию комплекса располагался вблизи ее ЮЗ угла и был фланкирован двумя небольшими помещениями, вероятно использовавшимися для кладбищенских нужд. Внутри ограды было зафиксировано более 160 погребальных сооружений, обустроенных различным образом, и, в большинстве случаев, использовавшихся многократно. Погребения совершались как в периметре стен ранней базилики, так и внутри нового храма, к югу от него была построена небольшая церковь простейшего плана, внутри которой также были открыты захоронения. Рядом были исследованы строительные остатки предполагаемого дома для клира [13, с. 24–29].

Расположение погребальных сооружений на территории некрополя довольно бессистемно, более поздние из них иногда перекрывают предшествовавшие, в ориентации гробниц наблюдаются заметные отклонения от оси В–З. Вблизи входа

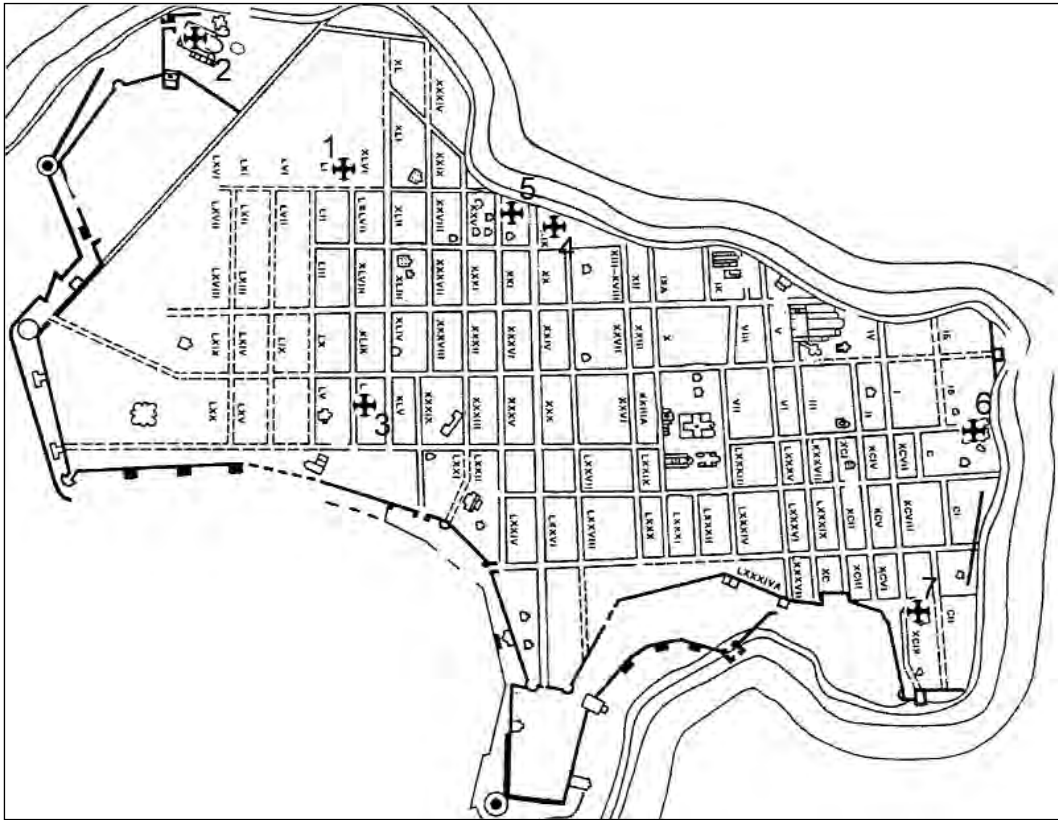

Рис. 1. Топография внутригородских некрополей Херсона X–XIII вв.

Fig. 1. Topography of inner city cemeteries Kherson X–XIII ct.

в храм отмечается наибольшая плотность захоронений. Церковно-кладбищенский комплекс при базилике на холме продолжал активно использоваться жителями Херсона вплоть до прекращения существования самого города.

Исследовавший комплекс «базилики на холме» С. А. Беляев считал возможным связать появление здесь храма и некрополя с драматическими событиями осады Корсуня киевским князем Владимиром. Позднейшая базилика отождествлена им с известной из летописных источников церковью Св. Василия «на горе», построенной по распоряжению Владимира после успешного завершения осады города и событий, связанных с крещением князя [13, с. 32–41]. Среди окружающих храм погребальных сооружений С. А. Беляев выделил как могилы погибших в ходе конфликта горожан, так и воинов-варягов из дружины Владимира [13, с. 27–29].

В процессе выполненного автором антропологического исследования частично сохранившегося материала из раскопок некрополя при базилике на холме действительно были зафиксированы отдельные индивиды со следами смертельных боевых травм, что для средневекового Херсона вовсе не является чем-либо исключительным, однако ни о каком массовом захоронении погибших в ходе военных действий говорить не приходится. Преобладающий антропологический тип погребенных на рассматриваемом некрополе также вполне характерен для позднейшего периода существования города. Присутствия какого-либо экзотического для Херсона компонента северного происхождения зафиксировано, естественно, не было.

В целом и археологическая аргументация, приводимая С. А. Беляевым в пользу выдвинутой им версии, представляется уязвимой для критики, что, впрочем, не является целью настоящей публикации. Более вероятно, что возникновение на рубеже X—XI вв. некрополя при «базилике на холме» не было связано с какими-то экстраординарными обстоятельствами, а напротив, отражает многие общие явления и закономерности, связанные с распространением в Херсоне новых форм погребальной практики.

Надо полагать, что территория комплекса бывшей Западной базилики (рис. 1: 2) была столь же привлекательна для использования ее под кладбище, хотя бы в силу связанной с ним древней традиции. Однако ее активному освоению могло препятствовать действовавшее в непосредственной близости кладбище при описанной выше Базилике на холме, весьма популярное у горожан, в сочетании с трудоемкостью обустройства гробниц в скальной породе, выходящей здесь почти на поверхность. Тем не менее, в XI—XIII вв. в периметре стен бывшей Западной базилики также совершались погребения. Вероятно, к этому периоду относятся пять гробниц, открытых в ее нартексе и ее северо-западном нефе, и, совершенно определенно, погребения, исследованные в юго-восточном нефе и вблизи стен снаружи здания [14, с. 129–130]. Вокруг мавзолея Св. Василия в скале вырублено семь прямоугольных гробниц, одна с северной стороны возле дромоса, ведущего в склеп, четыре параллельно расположенных с западной стороны перед входом, и еще две у южной стены [6, рис. 27], не исключено что они были устроены единовременно в расчете на длительное использование.

Новое, ранее не известное, но видимо значительное по площади кладбище в западном районе городища было выявлено в квартале LX (рис. 1: 3) при храме XI—XIII вв., открытом в 2004 г. Была также частично зафиксирована окружающая его ограда, но, к сожалению, некрополь был оставлен без дальнейшего исследования [15, с. 387].

Два некрополя возникают на рубеже X—XI вв. на северном берегу городища, на территории прекративших существование базилик 1932 и 1935 гг. (рис. 1: 4, 5). Время разрушения базилики 1935 г. датируют, ориентируясь на монетные находки из клада содержавшего наиболее поздние монеты, выпущенные при Василии II (976–1025) [17, л. 21; 16, с. 102], найденного в насыпи перекрывавшей ее строительные остатки, т. е. сокрытого уже после разрушения храма и разборки его руин. Известно мнение, что часть захоронений на территории базилики связана с еще функционирующим храмом [16, с. 103; 12, с. 100], в весьма осторожной форме это высказывал еще открыватель памятника Г. Д. Белов [18, с. 129]. Основанием для развития его предположения служат нумизматические находки из заполнения могил, где наряду с преобладающими монетами X—XI вв., в заметном количестве (10 шт.) присутствовали монеты Михаила III и Василия I, датируемые соответственно второй половиной IX в. [18, с. 113–124]. Сам Г. Д. Белов полагал, что они попали в захоронения «много времени спустя после того, как они были в обращении» [18, с. 124]. Это подтверждается фактом находки 6 из них в могиле № 30 вместе с монетой Константина Багрянородного [18, с. 123]. Таким образом, монетные находки представляются не особенно надежным аргументом в пользу обустройства погребальных сооружений в еще функционирующем храме.

По-видимому, на территории базилики 1935 г. начинают хоронить все же после разборки основного объема здания. В нартексе бывшего храма, его северном и южном нефах были устроены многочисленные гробницы, зачастую пристроенные к внешним стенам и стилобатам базилики. Всего исследованиями открыто до 36 погребальных сооружений, в основном сосредоточенных в западной части комплекса. Позже, по мнению Г. Д. Белова, в XII в. [18, с. 129–132], в центральной части среднего нефа базилики был построен сравнительно небольшой трехнефный одноабсидный храм, перекрывший своими фундаментами некоторые более ранние гробницы.

Очень интересны наблюдения, сделанные исследователем памятника в отношении использования территории некрополя и обустройства погребальных сооружений. Так

могилы № 7, 22 и 23 были одновременно устроены в стилобатах колоннад, причем прежние кладки были разобраны, а стены могил были сложены вновь достаточно аккуратно на качественном растворе. Тщательность выполнения работ, очевидное присутствие плана в расположении сооружаемых гробниц позволяет предполагать существование некоей организации, регламентировавшей использование некрополя, следившей за его состоянием и возможно взимавшей плату за услуги по погребению в освященной земле бывшей базилики [18, с. 124–125].

Основания внешних стен базилики 1935 г. выполняли функции кладбищенской ограды, раскопками были зафиксированы помещения, пристроенные к ним с внешней стороны с запада и юго-востока, соответственно выходящие на улицы, окружающие XIX квартал [18, с. 132–133].

На месте бывшей базилики 1932 г. в квартале XXV наблюдается довольно сходная ситуация с той разницей, что новый храм, появившийся на ее территории, представлял собой вовсе небольшое строение простейшего плана уместившееся в абсиде прежней базилики. Западнее, почти посередине ее среднего нефа, была возведена еще одна квадратная в плане постройка, возможно функционально связанная с кладбищем [19, с. 53]. Особенно показательны гробницы, расположенные в бывших боковых нефях базилики, при устройстве которых были пробиты мозаичные полы прежнего храма.

С севера и юга территория некрополя была окружена постройками усадеб квартала, функционировавшими в XI—XIII вв. В группе усадеб, примыкающих к кладбищу с южной стороны, А. И. Романчук склонна видеть постройки городского монастыря [19, с. 57]. Естественными границами некрополя на востоке и западе были, соответственно XII и XIII поперечные улицы. Вероятно, попасть на его территорию можно было со стороны XIII поперечной улицы, от XII улицы кладбище отделяла грубо сложенная бутовая ограда. Оба некрополя использовались вплоть до прекращения жизни в северном районе города, в последней четверти XIII в.

К сожалению, о кладбище, возможно существовавшем при Северной базилике, мы не можем ничего сказать с достаточной уверенностью. Число погребальных сооружений, зафиксированных на ее территории, относительно невелико — 14 гробниц, из коих 8 сосредоточены в южном нефе, причем датировки их весьма условны. Не исключено, что в последний период своего существования северная базилика функционировала как зальная церковь в периметре центрального нефа [7, с. 168].

В процессе одной из недатированных перестроек, вероятно все же происходившей не ранее рубежа X—XI вв., южный неф базилики был отделен от центрального сплошной стеной полубутовой кладки [6, с. 29; 7, с. 168]. К плечу базилики была пристроена абсида, а в восточной части южного нефа, отделенной поперечной стеной, был обустроен небольшой обособленный храм. Его площадь составила несколько меньше площади прежнего нефа, внутри были сооружены три гробницы. Оставшаяся западная часть бывшего нефа была превращена в небольшое кладбище с пятью гробницами.

Последним по времени строением на территории базилики стала небольшая церковь рубежа XII—XIII вв., зафиксированная исследованиями С. Г. Рыжова [20, л. 4, рис. 2]. Алтарная часть новой постройки частично перекрывала кладки абсид базилики и маленькой церкви в южном нефе. Весьма вероятно, что с ней могли быть связаны позднейшие погребальные сооружения, возможно и не зафиксированные на начальном этапе исследований памятника.

Похоже, что «выкроить» место для погребений стремились и при базиликах, продолживших свое существование после существенных перестроек. У Восточной базилики, к этому времени значительно уменьшившейся в размерах и представлявшей собой однефную церковь зального типа [6, с. 43–46, рис. 36; 7, с. 168; 19, с. 163] для погребений использовалась территория в периметре упраздненных боковых нефов (рис. 1: б), где были устроены не менее 23 гробниц. Вероятно, новые погребения совершались рядом с уже существовавшими здесь ранее, на месте раннесредневекового

крестообразного мартирия, возле северо-восточного плеча базилики. С возникшим вокруг храма кладбищем связано строительство небольших позднейших церквей — расположившейся вплотную к внешней стене бывшего южного нефа базилики и стоявшей на небольшом расстоянии от юго-восточного плеча базилики [6, с. 46; 19, с. 163].

Очередной некрополь на востоке городища локализуется в квартале ХСІХ на территории базилики Крузе (рис. 1: 7). Несмотря на почти двухсотлетнее исследование памятника (а скорее, по причине), с ним связан целый круг невыясненных вопросов. В частности, точно не установлено время прекращения его функционирования как культового сооружения. Представляется, что он был разрушен не ранее первой трети XI в. [21, с. 222], а возможно подвергнувшись перестройкам, просуществовал и дольше [22, с. 90]. Во всяком случае, в XII—XIII вв. захоронения уже совершались практически по всей площади бывшей базилики. На сегодняшний день здесь открыто 36 погребальных сооружений (№ I—XIX — в ходе раскопок XIX в., № 1–17 — раскопки 1998–2010 гг.) — вырубленных в скале или обложенных камнем гробниц и грунтовых могил, в большинстве многократного использования.

Отдельного рассмотрения требуют восемь гробниц, устроенных в нартексе базилики. Действительно, весьма похоже, что они сооружены одновременно в соответствии с неким общим замыслом. В их устройстве наблюдаются продиктованные ситуацией особенности, если могилы I—VI вырублены в скальной породе, то VII—VIII представляют собой обложенные известняковыми блоками гробницы, впущенные в слой нивелировочной подсыпки, относящейся ко времени строительства базилики [23, с. 290–393].

Нужно отметить, что прямые археологические данные для их датировки отсутствуют. К. К. Косцюшко-Валюжинич открыл комплекс уже потревоженных и лишенных перекрытий гробниц в нартексе базилики в 1891 г. и предположительно отнес их к раннему периоду функционирования храма. Остальные открытые захоронения, некоторые из которых еще сохраняли перекрытия из мраморных плит, он определил как позднейшие, и связал их появление с грубой перестройкой базилики, в ходе которой на месте бывших колоннад были устроены бутовые стены, заложены некоторые проемы [10, с. 10], а возможно и разобраны боковые нефы [7, с. 168].

С. Б. Сорочан отнес перестройку храма к X—XI вв. и предположил, после нее на его территории и начали совершать погребения, появление ряда гробниц в нартексе исследователь первоначально отнес к этому же времени [24, с. 550–551; 22, с. 90]. Однако позже изменил свое мнение, указав, что рассматриваемые погребальные сооружения «с уверенностью» могут быть отнесены к периоду раннего средневековья и определил комплекс в качестве крипты, устроенной в нартексе базилики во второй половине VI — начале VII вв., предназначенный для неких «привилегированных погребений», совершавшихся в виде исключения с разрешения епископа [3, с. 723, 1052–1053]. Особая привлекательность рассматриваемого места для погребения связывается с присутствием в базилике святых мощей, освящающих храм, и соответственно значимой в сознании верующих перспективой упокоиться «ad sanctos» [3, с. 721].

Все восемь гробниц предназначались естественно не для индивидуальных захоронений. Ориентируясь на «вместимость» аналогичных по объему погребальных сооружений, не будет преувеличением предположить, что число упокоенных в «крипте» при базилике Крузе могло достигать нескольких сотен¹. Следуя логике С. Б. Сорочана,

¹ Точное количество захороненных в могилах нартекса базилики Крузе после раскопок XIX в. естественно установить невозможно, в ходе проводившегося автором определения костных останков, извлеченных из засыпей могил № III, VI, VII после их зачисток в ходе современных исследований, были определены останки, принадлежащие не менее чем 18, 31, и 27 индивидам соответственно среди них мужчины, женщины и дети всех возрастов. Можно утверждать, что это лишь небольшая часть от общего числа погребенных здесь.

это должно подразумевать присутствие в составе христианской общины ранневизантийского Херсона весьма значительной группы «привилегированных верующих», претендующих на систематическую реализацию исключительного права погребения при святых мощах. Критерии их избранности остаются не установленными, при том, что автор сам приводит свидетельства, что права такого погребения удостаивали даже не всех высших клириков [3, с. 1053].

Как уже отмечалось, значительное количество раннесредневековых погребений сосредоточено при Западной базилике, предполагаемом «доме Св. Леонтия», что вполне объяснимо исключительным значением этого места для духовной жизни христианской общины Херсона. Сложившийся ансамбль весьма характерных раннесредневековых построек и погребальных сооружений аргументированно связывается с функционировавшим здесь значительным монастырским комплексом, и популярным в среде горожан культом священномученика епископа Василея, вероятно погребенного в находящемся здесь же мавзолее.

В отношении же базилики Крузе такая «исключительность» вовсе не очевидна. Как указывает С. Б. Сорочан, не менее двенадцати храмов византийского Херсона построенных между VI—X вв., были освящены через положение мощей подобным же образом [3, с. 1024], и, следовательно, были не менее привлекательны для погребения избранных прихожан, но ни при одном из них не возникает столь масштабного погребального комплекса, надо полагать, что регламенты Номоканона соблюдались еще достаточно строго. Безусловно, среди прочих херсонских базилик базилика Крузе выделяется особенностями планировки алтарной части, ее характерная триконхальная абсида позволяет предполагать первоначальный мемориальный характер памятника [25, с. 268], но в равной мере такая конструкция может объясняться и надобностями литургической практики [26, с. 237; 3, с. 723–724].

Ранней датировки усыпальниц в нартексе базилики Крузе, возможно синхронной строительству самой базилики, относимому им к рубежу V—VI вв., опираясь на данные своих недавних раскопок, придерживается С. Г. Ушаков, посвятивший этому вопросу отдельную публикацию [23, с. 290–307]. При этом следует отметить, что полученная дата, основанная на анализе керамического комплекса, отражает не время устройства собственно могил, а время формирования нивелировочной засыпи, связанной со строительством базилики. Северная стенка могилы № VIII прорезает ее, не доходя до скалы, под ее основанием и на дне могилы сохраняется слой, содержащий раннесредневековый материал, характерный для всего объема нивелировочных подсыпок в нартексе. Исследователь полагает это наблюдение не оставляющим сомнений доказательством одновременности сооружения самого храма и могил в его нартексе [23, с. 306].

На наш взгляд, сомнения вполне уместны, аналогичная ситуация вполне могла бы наблюдаться и в случае позднейшего сооружения могилы, а тот факт, что стенка могилы «висит» в слое, не достигая скального основания, свидетельствует в пользу этого. Стоит также обратить внимание и на некоторые детали устройства перекрытий гробниц, расположенных в нартексе и центральном нефе базилики, в частности весьма характерные единообразные вырубki под деревянные брусья, поддерживавшие перекрытия могил № III и IV в нартексе и могил № X и XI в центральном нефе.

Похоже, что современные исследования памятника не подтверждают и тезис о существенных перестройках храма в последний период его существования [26, с. 237], вероятнее он до прекращения функционирования, в основном, сохранял первоначальную планировку. Представляется, что после разборки основного объема конструкций базилики в наиболее удобных местах было одновременно сооружено значительное количество относительно единообразных погребальных сооружений в расчете на длительное использование, а со временем могилы разного качества заняли практически всю площадь в периметре здания.

Вдоль северной границы территории кладбища зафиксировано основание каменной ограды, с юга ее, вероятно, ограничивала внешняя стена базилики, в настоящее время прослеживающаяся не полностью. По-видимому в период, когда на некрополе совершались погребения, ее сохранившаяся высота была достаточна для устройства надмогильного перекрытия в виде аркасолии, зафиксированной над могилой № 1 (1998 г.), примыкавшей к юго-восточному плечу базилики. Захоронение представляло собой не особенно тщательно устроенную, обложенную блоками известняка коллективную могилу, и содержало материал XII—XIII вв., примечательно, что аркасолия над ним была оформлена росписью [26, с. 238–244]. На территории некрополя, сформировавшегося на территории базилики Крузе, так и не было выявлено связанной с ним позднейшей церкви. Остается только предполагать, что ее остатки были уничтожены в процессе первичного исследования комплекса в первой половине XIX вв.

Как уже отмечалось, наряду с погребениями на собственно внутригородских некрополях, в Херсоне X—XIV вв. сосуществует практика погребения непосредственно в действующих церковных постройках. Традиция устройства «крытых кладбищ» не только не прерывается, но и получает новый импульс. К этому времени изживаются нормы, препятствующие погребению в храмах мирян [12, с. 101], что стимулирует строительство множества небольших церквей простейшего плана едва ли не в каждом квартале города [21, с. 234–243], использовавшихся и в качестве усыпальниц. Для ряда новых церковных построек, основанных в XI—XIII в., эта функция учитывается уже на этапе строительства и выражается в устройстве сводчатых цокольных этажей — крипт или перекрытых аркасолиями усыпальниц в стенах построек. Весьма характерен в этом отношении храм в I портовом квартале южного района города, построенный в XI в. и получивший известность, как «храм с аркасолиями».

Рассмотренные выше некрополи достаточно равномерно распределены по территории городища, но южный портовый район остается в стороне от них. Здесь складывается особая ситуация, портовый район был плотно застроен, и, вероятно, даже после постигавших город потрясений восстанавливался достаточно быстро [19, с. 121–124]. Кроме того, здесь не известны крупные базиликальные комплексы ранневизантийского времени, а следовательно отсутствовали участки, которые теоретически могли «высвободиться» после их упразднения или перестройки. По-видимому, для большинства умерших жителей портового района местом упокоения стали усыпальницы в «храме с аркасолиями» и храме, известном как «часовня Е» располагавшейся в том же квартале. Число погребенных в «храме с аркасолиями» оценивается не менее 400, в гробницах при часовне «Е» около 200 и представляется заниженным [21, с. 240]. Однако, несмотря на недостаток площади, небольшое открытое кладбище в квартале I при «храме с аркасолиями» все же возникает в выгороженном пространстве за алтарной абсидой, где раскопками были открыты пять могил и одна гробница [26, л. 24–31; 27, с. 172].

Как уже отмечалось, весьма значительную роль в качестве погребальных сооружений выполняли небольшие квартальные церкви, по всему городу в рассматриваемый период их было построено более 40 [21, с. 234–243]. Там, где плотность застройки позволяла сохранять незанятыми некоторые внутриквартальные пространства или устраивать при храмах выгороженные дворики, они также приобретали функции миниатюрных кладбищ. В качестве характерных примеров можно привести две гробницы во дворах при часовнях в кварталах IXa, и Xa [21, с. 237], четыре усыпальницы вокруг часовни в кв. XIII—XVIII [19, с. 41] в северном районе. В северо-восточном районе — три гробницы перед входом в часовню кв. С, к югу от восточной базилики [6, с. 44], погребения при часовне в кв. II [19, с. 103]. Три гробницы у часовни № 31 возле XXIX башни в портовом районе города [28, с. 89].

В условиях Херсона, города достаточно плотно застроенного, и, в основном, сохранявшего издавна сложившуюся планировку, был проблематичен сам поиск места

для размещения некрополей в периметре городских стен. Резервирование под кладбища значительных участков городской территории при новых храмах, строившихся в конце X—XI вв., в отдельных случаях было возможно, в западной части городища застроенной не столь плотно и возможно запустевшей после разрушений во второй половине X в. [29, с. 84; 13, с. 29–30]. В остальных случаях, как отмечено выше, «освобождение» территорий связано с прекращением функционирования крупных базиликальных комплексов раннесредневекового времени или радикальной их перепланировкой. Характерным явлением местной строительной практики становится феномен «базилики в базилике» — возведение на месте упраздненных обширных храмов прежнего времени культовых построек меньших размеров с использованием освободившегося пространства для последующего совершения погребений. Использование для погребений территории прежней культовой постройки удачно разрешает противоречия с 178 правилом Номоканона «о погребении мертвых тел в освященной церкви». Освященный мощами престол перемещается в новый храм, при этом окружающее его пространство, ранее существовавшей культовой постройки воспринимается как «освященное молитвой» и особо привлекательное для упокоения.

Оформление пространства кладбищ в планировке города выразилось в возведении вокруг них каменных оград, зафиксированных раскопками при базилике на холме, храме в кв. LX западного района, базилике 1932 г. и возможно базилике Крузе. В остальных случаях территорию кладбищенского участка, вероятно, маркировали сохранившиеся основания внешних стен раннесредневековых культовых построек.

Основным типом погребального сооружения на городских некрополях становится многократно используемая, выложенная камнем, а при необходимости вырубленная в скале, гробница с перекрытием из каменных плит, периодически удаляемых, для совершения очередной ингумации. Подобная практика обеспечивала приемлемую «вместимость» городских кладбищ при их относительно небольших размерах.

О надгробиях на внутригородских кладбищах рассматриваемого времени сказать что-либо определенное затруднительно, отрицать наличие надмогильных обозначений вовсе, видимо, неправильно, однако находки надгробий рассматриваемого времени или их фрагментов на территории городища единичны и, как правило, их нельзя связать с конкретным некрополем. Выше упоминался факт устройства аркасолии над захоронением устроенным у кладбищенской стены. Все же представляется, что практикуемая погребальная обрядность способствовала «обезличиванию» подавляющего большинства усопших [3, с. 1080–1085].

Остановимся еще на одном вопросе погребальной обрядности — правомочности атрибутации захоронений в качестве могил-костниц. В строгом смысле этого термина в качестве костницы (*koimhthron*) следует определять погребальное сооружение для вторичного захоронения останков, лишенных мягких тканей, при этом анатомический порядок костяка, естественно, не соблюдался. Есть основания полагать, что для византийского Херсона данная практика имела место, хотя и не была распространена столь широко, как сам термин «костница» в отчетах исследователей. Чаще этим термином совершенно неправомочно определяют многократно используемую могилу.

Однако наши наблюдения показывают, что даже в непо потревоженной могиле-усыпальнице количество черепов зачастую может не соответствовать количеству нижних челюстей, длинных костей и других элементов посткраниального скелета. Более того, приходилось отмечать признаки посмертного воздействия какими-то острыми орудиями на поверхность кости, весьма вероятно — следы очистки от остатков мягких тканей перед окончательным помещением их в могилу. Следы подобного воздействия зафиксированы для антропологической серии из часовни в кв. IXa в области затылочного отверстия черепа № 1 (могила № 1 внутри храма), в правой височной области

череп № 17 (могила № 1 во дворе), а также в серии представляющей материал их часовни квартала X б, на нижней челюсти черепа № 7 (могила № 2).

Таким образом, не исключено, что в пределах одного погребального сооружения практиковались разные формы обряда. В отдельных случаях это может объясняться не собственно обрядовой стороной, а причинами утилитарного свойства — в частности, какими-либо строительными работами на территории культового комплекса, затронувшими захоронения предшествовавшего времени и потребовавшими передислокации останков.

Высказывалось мнение, что распространение практики захоронений в городе прямо связано с политической нестабильностью в регионе и небезопасностью пребывания даже в ближней его округе [3, с. 1052]. Определенные основания этому есть, в частности Анастасий Библиотекарь описывает запуганное «варварскими толпами» население города, остерегающееся покидать его пределы, и сравнивает городские стены с тюрьмой, куда заключены все жители [30, с. 185]. Однако данное свидетельство вряд ли следует толковать столь прямолинейно, скорее оно передает беспокойство и дискомфорт от постоянно ожидаемой внешней угрозы, испытываемый жителями Херсона. Причем, как оказывается, в своих чувствах херсониты не одиноки, исследователи европейского средневековья — Ж. Ле Гофф, М. Ломбар, Р. Лопес рассматривают целый комплекс факторов территориального, социального и духовного свойства, заставлявших воспринимать внутригородское пространство как привилегированное по отношению к «пространству внешнему», несущему потенциальную угрозу городской общине [2, с. 156–159, 170–173]. Надо полагать, что подобные «ощущения» способствовали, в том числе и распространению практики погребения, внутри городских стен.

Ключевые слова: Херсон, город, топография, некрополь, христианство.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арвес Ф.* Человек перед лицом смерти. — М., 1992.
2. *Ле Гофф Ж.* Рождение Европы. — СПб., 2008.
3. *Сазанов А. В.* Погребения в христианских храмах Херсонеса // Херсонес Таврический у истоков мировых религий. Материалы науч. конф. — Севастополь, 2001.
4. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон. — Х., 2005.
5. *Тяжелов А.* Законы греческих императоров в отношении церкви после Юстиниана. — М., 1876.
6. *Айналов Д. В.* Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. — М., 1905. — Вып. I.
7. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. — 1959. — № 63.
8. *Косцюшко-Воложинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1901 г. // НА НЗХТ. — Д. 10.
9. *Сорочан С. Б.* О мартирии в составе архитектурного комплекса Уваровской базилики // Символ в философии и религии. VI Крымская международная конференция по религиоведению. Тез. докл. и сообщений. — Севастополь, 2004.
10. *Отчет Императорской Археологической комиссии за 1891 г.* — СПб., 1893.
11. *Отчет императорского ООИД с 14 ноября 1883 г. по 14 ноября 1884 г.* — Одесса, 1885.
12. *Фомин М. В.* О внутригородских кладбищах Византийского Херсона // ВХУ. — 2008. — № 816: Истори́я. — Вып. 40.
13. *Беляев С. А.* Базилика на холме в Херсонесе и церковь на горе в Корсуни, построенная князем Владимиром // Byzantinorussica. — М., 1994. — № 1.

14. *Суфов Е. Г.* К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. — 1965. — Вып. 3.
15. *Зубарь В. М.* Летопись археологических исследований Херсонеса—Херсона и его округи. — К., 2009.
16. *Завадская И. А.* Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «базилика 35 г.» // МАИЭТ. — Севастополь, 1996. — Вып. V.
17. *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1949 и 1951 гг. // Архив НЗХТ. — Д. № 622/1–3.
18. *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–36 гг. — Симферополь, 1938.
19. *Романчук А. И.* Херсонес XII—XIV вв. Историческая топография. — Красноярск, 1986.
20. *Рыжов С. Г.* Отчет о раскопках Северной базилики в 1981 г. // Архив НЗХТ. — Д. 2226.
21. *Романчук А. И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. — Екатеринбург, 2000.
22. *Сорочан С. Б.* Херсонес, Херсон, Корсунь. — К., 2003.
23. *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко А. В.* Жизнь и гибель Херсонеса. — Х., 2000.
24. *Завадская И. А.* О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. — Симферополь, 2001. — Вып. VIII.
25. *Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В., Пилленгер Р., Плющ А.* Раскопки т. н. «базилики Крузе» в Херсонесе // ХСБ. — Севастополь, 2003. — Вып. XII.
26. *Кучма В. В.* Раскопки ЮВ стороны портового квартала // Отчет объединенной экспедиции ХГМ, УрГУ, ХГУ о раскопках в Херсонесе в 1965 г. — Архив НЗХТ. — Д. 1189.
27. *Колесникова Л. Г.* Храм в портовом районе (раскопки 1963–1965 гг.) // ВВ. — 1978. — Вып. 39.
28. *Отчет Императорской Археологической комиссии за 1895г.* — СПб., 1897.
29. *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. — М.; Л., 1964.
30. *Петров А.* Письмо Анастасия библиотекаря (Новый памятник по Кирилло-Мефодиевскому вопросу) // ЖМНП. — 1893. — Ч. 285.— Январь.

Резюме

Іванов О. В. Внутрішньоміські некрополі кінця X—XIV ст. як елемент історичної топографії візантійського Херсона

Публікація присвячена історії появи і топографії некрополів візантійського Херсона, розташованих усередині міської території. Розглянуті об'єкти формуються на території міста на відносно пізньому етапі його існування не раніше рубежу X—XI ст., і, в основному, функціонують до припинення існування міського поселення. Їх поява стає можливою завдяки змінам, які відбувалися в практиці християнської поховальної обрядовості, властивим для візантійського світу в цілому. Стосовно до Херсону це виражається в подоланні вікових традицій використання заміського некрополя і надалі розміщенні здебільшого похоронних комплексів всередині міських стін. Розміщення некрополів в межах сформувалося раніше міської забудови, представляло певні проблеми і дозволялося використанням як ділянок, раніше зайнятих обивательської забудовою, так і територій великих церковних комплексів, які в силу різних причин припинили своє існування на рубежі X—XI ст.

Ключові слова: Херсонес, місто, топографія, некрополь, християнство.

Summary

A. Ivanov. Inner City Cemeteries End of X—XIV ct. as a Element of the Historical Topography of Byzantine Cherson

The publication is devoted to the history of the occurrence and topography of the inner city necropolis of the Byzantine Kherson. The consideration objects are formed in the city at a relatively late stage of its existence no earlier than the turn of the X—XI centuries. And mainly function to the demise of the urban settlement. Their appearance is made possible by the changes occurred in the practice of Christian burial rites peculiar to the Byzantine world in general. With respect to those expressed in Kherson in overcoming age-old traditions of a country cemetery, and later placing most of the funerary complexes inside the city walls. Placement of cemeteries within the previously formed urban development presents certain problems and allowed the use of a desolate areas previously occupied buildings so narrow-minded areas of major church complexes, for various reasons have ceased to exist at the turn of the X—XI centuries.

Key words: Herson, city, topography, necropolis, christianity.

